

ками телеведущий Андрей Малахов так оценивает ее перспективы: «...у нее уже есть великолепная история для СМИ, которая поможет ей сделать карьеру»¹. В некоторых комментариях заметно восхищение участницей, при этом, однако, в них не высказываются мнения относительно к болезни, например: «Большой респект Тане и родителям за победу над болезнью... Молодец! Сейчас последствия детской болезни уже не видно, и, если бы не акцентировали на это внимание, я бы и не подумала ничего такого. Но авторы проекта заявили об этом — и правильно! Потому что этот человек — герой и таких можно и нужно показывать по телевизору»².

Болезнь мешает воспринимать индивида именно как человека, вне контекста медицинской темы. Индивид в ситуации болезни способен вызывать либо жалость, либо (в случае ее преодоления) восхищение. Нейтральная позиция становится почти невозможной. Болезнь обретает статус очень важной характеристики человека.

Подобные тенденции в сфере массовой культуре возникли не в пустом месте. Во многом их появление предопределяется тем, что в самой медицине доминирует естественнонаучный подход, при этом гуманитарное измерение медицины чаще всего лишь формально декларируется. «...Отдавая предпочтение телесности, забывая о духовности человека, не заметили, как предметом современной медицины стал уже не человек, в его целостности, в единстве души и тела, а только лишь тело», — подчеркивает И.А. Трушина³. Из сообщества специалистов медицинского профиля такие ценности распространились на общество массовой культуры. Е.И. Кириленко пишет в связи с этим: «Доминирующая в структуре медицинского опыта естественнонаучная составляющая в современной культуре выходит за рамки профессиональных технологий, совершая экспансию в область культурных смыслов. Можно, по-видимому, говорить о биологизации и “медицилизации” современного культурного сознания. Примат телесного, характерный для медицинского опыта, выступает фундаментальным принципом неклассической культуры. Внедрение в европейской культуре идеи конечности бытия в сознание современного человека привело к тому, что здоровье (ассоциируемое с психосоматическим благополучием)... получило статус высшей ценности, стало своего рода религиозно-этическим оправданием существования»⁴.

Болезнь, трактуемая в медицине, прежде всего, как материальное проявление, в массовой культуре, базирующейся на материальном,

¹ URL: <http://www.topmodel-muz.tv/blog/post/342/>

² URL: <http://www.topmodel-muz.tv/contestants/46/page/2/#comments>

³ Трушина И.А. Здоровье и духовность в медицине и философии // Российская оториноларингология. 2009. № 1. С. 16.

⁴ Кириленко Е.И. Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2009. С. 4–5.

превращается в образ товара, который гипотетически можно продать, даже если он останется неконкурентоспособным и невостребованным. Восприятие болезни в современной массовой культуре искажается либо отрицается (человек исключается из общества вследствие болезни), либо, когда человеку удается ее преодолеть или контролировать, признается в качестве средства конкурентной борьбы. Специалисты, занятые в сфере медицины, с нашей точки зрения, должны не только лечить, пропагандировать здоровый образ жизни (что в последнее время весьма активно делается средствами массовой информации, сразу на нескольких каналах), но и формировать образ болезни и здоровья в культуре. Если первую миссию можно считать собственно медицинской, вторую условно обозначить как просветительскую и даже педагогическую, то третья — миссия культурологическая. Реализация последней возможна, как нам кажется, в формировании «медицинский культуродефицит» в обществе стереотипов, «проектов» и «продуктов», пропагандируемого гедонизма.

О МЫШЛЕНИИ ТАНЦА

Чеклецов В.В., Шалаева А.В.

Во введении в свою книгу «Понимание медиа», Герберт Маршалл Маклюэн пишет: «На протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда прошло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере, в пределах нашей планеты»². *Пространство* не исчезло, исчезли старые способы его понимания. А если оно и исчезало, то сейчас перспективно возвращается обратно, поскольку в нем нуждаются как в опоре для собственного тела и для себя, устойчивой в безбрежном бушующем море сообщений/информации. Существует пространство медиа, медиареальность. Оно неким образом упорядочено. А скорее упорядочивает себя. Этот порядок есть порядок множественности в противоположность порядку повторяемости. Это реальность изобилия информации, ее потоков, встраивающихся в эти потоки коммуникантов, реальность трансляции. Эта реальность как совокупность медиа вещей (лат. «res», «realitas»), есть также и совокупность *событий и действий* (лат. «act», «actualitas»). Действие

Балаховский А.А. Медицинская культура и ее дефицит как проблема субъекта медицинской деятельности / Балаховский А.А., Кошелев В.П. // Вестник Медицинского стоматологического института. 2009. № 3–4. С. 41.

Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.

более предполагает свободу для его реализации, нежели вещь. Так встает вопрос свободы в порядке множественности, медиареальности, или как мы указали, в медиадействительности.

Существует множество концепций свободы, часто противоречащих друг другу, в том числе это бинарное отношение «свобода-необходимость», «свобода от/ для». *Свобода требует распространения*. Свободе для реализации в некотором пространстве необходимо место. Порядок пространства таков, что может либо ограничить свободу людей, либо предоставить ее, либо предоставить свободу одним за счет ущемления свободы других. Порядок можно уловить и описать только в статичной форме, тогда как танец не есть статика, это *динамика чередования движения и покоя*.

Метафора танца, как чередование движения тела и покоя, дает способ «обживания» медиaproстранства, способ того, как сделать его «уютным». Это значит найти в нем пределы реализации свободы. В медиадействительности правит порядок множественности ритмов. Гелен показал, что пространство переживается в зависимости от движения человеческого тела («качества окружения»). По Гелену, движение — это форма, в которой мы осваиваемся с окружающим миром.

Танец дает возможность выхода за пределы пространства в рамках самого пространства. «Мышление является воплощенным. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера»¹. Танец мы рассматриваем не в качестве результата, предмета критики, но в качестве такого процесса, который одновременно есть наш собственный опыт танца.

Человек может одновременно выступать как действующий субъект и пытающийся мыслить свое действие — в рефлексии. В танце происходит мышление телом, мышление действием, не во всяком танце, но в танце как таковом (что есть в некотором роде метафизическое понятие танца). Еще в античности танец напрямую был связан с формированием характера, нрава, этоса. Искусство пляски по мнению Лукиана в трактате «О пляске», состоит в овладении «своеобразной наукой подражания, изображения, выражения мыслей, умения сделать ясным даже самое сокровенное». В условиях медиадействительности танец стремится *стать не подражанием, а неподражаемым*.

Действование в медиареальности — виртуально, оно транслирует образы и модели. Танец не транслирует, но создает, он есть *танец*.

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 13.

ческий акт, никогда не похожий на самое себя, не сходный сам с собой, поскольку *всякий раз* исполняется *вновь*. Тем самым танец предоставляет свободу в пространстве каждого нового своего исполнения, его невозможно тиражировать.

В танце возможно процессуальное, длящееся ускользание в пространстве, в процессе его деятельного (двигательного) освоения, от власти средства сообщения. Танец может служить способом выхода от разорванности и атомизированности опыта общества к опыту целого.

Итак, наша философская задача — постараться в танце феноменологически ухватить ту интегральную, объединяющую сущность — дух, ритм, страсть — гармонию жизненного мира, которой нам так часто не достает в повседневности. К пониманию роли пространства и времени в «собирающей» силе танца, мы подойдем, рассмотрев два примера интегрирующих сфер — из области человеческого познания и духа: 1. *Трансдисциплинарные течения призваны интегрировать гносеологический мир эпистем*. В синергетике есть два относительно независимых дискурса: исследовательская программа Г. Хакена делает акцент на «пространственном» измерении синергетики как коммуникации посредством формирования в хаотической структуре некоего гештальта — параметра порядка, циклически подчиняющего себе все другие компоненты ее поведения. Что же касается И. Пригожина, то его программа делает упор на сюжетах «*переоткрытия времени*», «нового диалога человека с природой», а также диалога с такими философами «времени и процесса» как А. Бергсон, А. Уайтхед, М. Хайдеггер¹. 2. *Религии (духовные течения) призваны интегрировать духовный мир*. О. Павел Флоренский, развивал теорию Эрнста Каппа об орудиях и технологических артефактах человека, как об экстракорпоральных органах (телескоп, микроскоп — глаз, рычаг — рука, телеграфная сеть — нервная система и т.д.). С этой точки зрения, стремящееся к сакральному, по Флоренскому — это Храм, Собор. Архитектурно Храм стремится *пространственно* воплотить божественные гармонии, организация пространства Храма должна способствовать гармонизации внутреннего мира человека, повышению intersubjectивной соборности общества. *Временное* измерение Храма — в претворении ритуала. Во временной протяженности, вовлеченности «сейчас» в момент причастия, реальные хлеб и вино делают по-настоящему реальным воскресение тела Христа. Чистое воплощение соборного времени также — это Храмовая музыка, пение.

В отношении телесного бытия, жизненного мира повседневности, живой коммуникации с Другим, интегрирующим, гармонизирующим началом может быть 3. *Танец*.

Аршинов В. И. Синергетика конвергирует со сложностью // Вопросы философии. 2011. N 4. С. 73-83.

Танцуя, мы задаем *пространственную* организацию телесности, выявляя сокрытую невербализированную сопричастность своей природы космическим ритмам Универсума. Мы улавливаем эти ритмы, отдаваясь власти всеединства, но мы же их и производим, участвуя в продолжающемся со-творении вселенной. Танец — это не последовательность поз — как и в случае все-же *летающей* стрелы Зенона, — танец — чистая *процессуальность*, телесное переживание момента сейчас, как непрерывного воспроизводства чуда истинности бытия.

Нам, видимо, постоянно следует учиться и восприятию и мышлению. В каждый момент каждого вдоха, каждой новой встречи *чувствовать* единство гармонии непостижимой разворачивающейся симфонии Бытия и ритмов собственного сердца. Перестать, наконец, лишь вычислять, анализировать Мир, Другого. — Мы ведь, действительно, не компьютеры. С Миром, и, в особенности, с Другим, наверное, все таки — лучше танцевать.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИННОВАТИКИ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ В БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЕ

ТЕХНОЭТИКА ТЕХНОНАУКИ: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

Гребеницкова Е.Г.

Современные социогуманитарные исследования научно-технического развития не так давно дополнились новым подходом, претендующим на объединение многообразных моральных проекций проблематики в единой теоретической рамке техноэтики. Термин «техноэтика» был введен М. Бунге, утверждавшим, что все специалисты в области техники и технологий имеют уникальную моральную ответственность за последствия своей деятельности². Актуализация идей М. Бунге в контексте современной ситуации связана, как утверждают разработчики техноэтики, со стремлением обеспечить прочную теоретическую основу исследований технологического развития, сосредоточенных в различных направлениях прикладной этики, как то: биоэтика, наноэтика, инженерная этика и т.п. Таким образом, базисом объединения различных исследовательских программ и совмещения баз данных, обмена методологическим инструментарием и теоретическими наработками выступают этические проблемы науки и техники. С комплексным подходом связываются также перспективы дальнейших исследований для обеспечения устойчивости инновационной динамики, которая в современной ситуации с необходимостью предполагает ориентацию на социогуманитарные параметры³.

Развитие инноваций породило новые формы меж- и трансдисциплинарных исследований, которые, поставив под вопрос алгоритмы

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 10-03-00801а «Витомерные образы трансдисциплинарности».

² Bunge, Mario. Towards a Technoethics. *Monist*, 1977. Vol. 60. № 1. P. 96–107.

³ Luppicini R. The Emerging Field of Technoethics // *Handbook of Research on Technoethics*. N.Y.: IGI Global, 2009. P. 1–20